

DEH ABEPPÒ

UMBRA SIDERUM

METROHOM

Ден Аберро

Тени Звёзд: Метроном

<https://litres.ru/74604057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приус — подземный город под Поднебесьем, где свою судьбу определяешь не ты, а система. Малейший промах — и твоя жизнь катится в Нижний Яр. Сложно, когда ты один, но ещё сложнее, когда вас двое. Мечты слоятся, цели туманятся, но система этого не замечает и не прощает тех, кто не видит явной цели.

Беатрисс Коваль в школе привыкла быть тенью. Зелёный индикатор школьного браслета — отличная репутация, ни одного явного замечания, высокие оценки. До шестнадцати цвет можно исправить — после он фиксируется навсегда. Система сама фиксирует правки и вносит в реестр, определяя твой статус. Ниже статус — хуже судьба: колледж вместо университета, трубы вместо чертежей, Нижний Яр вместо Поднебесья.

Но Бет вмешивается в драку, которая её не касалась. За мальчишку, который не просил о помощи. Несуразный мальчик Рогбал — двенадцать лет, упрямство вместо страха. Он не плачет, не хромает, а защищает своё достоинство.

История про взлёт и падение. Предательство и служба во имя любви и спасения.

Содержание

Акт 1.	4
Глава I. «Экспонат»	4
Глава II. «Ба Нэя»	25
Глава III. «Школа»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ден Аберро

Тени Звёзд: Метроном

Акт 1.

Глава I. «Экспонат»

Бет шла по коридору, звонко щёлкая каблуками по креолиту. Эхо цоканья ровно отдавалось от стен, словно тикание метронома. Она считала плитки на полу и старалась не заступать за их границы. Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять. Каждый шаг помогал настроиться на учебный день.

Над коридором мерно пульсировала полоса дежурного освещения — тусклая, севшая, с провалами в спектре, где давно выгорели диодные секции. Между плитами стен змеились вскрытые кабельные каналы: кто-то когда-то тянул здесь дешёвую сеть, а потом бросил, и теперь провода висели, как оголённые нервы. Воздух пах озоном и конденсатом. Запах Приуса. Запах дома. К нему примешивалась лёгкая горечь — будто где-то в глубине шахты снова искрили ста-

рые контакты.

Подмышкой у Бет были планшеты для учёбы, заранее деактивированные, чтобы не тратить лишнюю энергию. Экраны погасли, корпуса покрылись сетью царапин. Сбоку на планшеты аккуратно были наклеены кусочки серой ткани с названиями: «Математика», «Физика», «Сагнатский язык» и «Основы фильтрации водоочистителя». Ткань была шершавой, чуть влажной от её ладони. Пальцы сами скользили по краю, проверяя, не отклеилось ли. От ткани слабо тянуло клеем — дешёвым, быстро сохнущим.

На руке у Бет был браслет ученика, который считывал её общий показатель и статус в школе, пока она не на уроке. С 8:00 до 16:00 браслет обязан был быть у неё на руке. Иначе — прогул, снижение балла и репутации. На экране браслета также можно было смотреть расписание, изменения в нём, новости школы и афиши.

Мимо прошла компания старших мальчиков. Они громко гоготали, вели себя шумно и беззаботно. У одного на виске мерцала татуировка-индикатор — дубль импланта агрессии, который повышал рефлекс, но съедал тормозные функции. В пятнадцать лет такой имплант в Приусе был как медаль. Их веселье разбивалось о сосредоточенность Бет, как свет о бетон. Она не поднимала головы. Двадцать шесть. Двадцать

семь.

Из-за поворота вылетел мальчик — лет двенадцати, жилистый, но не крупный, явно раздражённый. Куртка была ему чуть велика, и это придавало его облику ещё больше несуразности. На подкладке виднелся выцветший логотип корпорации «Аква-Форс», которая давно обанкротилась, но её вещи всё ещё ходили по рукам, потому что новые могли позволить себе только Поднебесные. Он нарочно врезался в старшего.

— О, опять этот мамкин огрызок, — с издевательским смехом сказал старший, выискивая поддержку у своих. Друзья лишь улыбнулись и наблюдали.

Мелкий насупился и сжал кулаки.

— Сам огрызок, — бросил он.

Старший с усмешкой толкнул его. Мелкий отступил на шаг, но устоял.

— Ещё раз повтори, что ты там сказал там, у класса — мелкий покраснел, как труба под накалом, глядя в глаза старшему. — Ну?

Старший ударил его в лицо — кулаком, тяжело, наот-

машь. Мелкий качнулся, но тут же врезал в ответ и промахнулся: кулак прошёл мимо скулы, и старший тут же заехал ему под дых. Мелкий сложился пополам, и третий — из-за спины — добавил с локтя по затылку. Вскоре стало ясно, что против младшего выступают трое. Не избиение — унижение.

Бет молча считала плитку, которая шла в ритм ударам: тридцать два, тридцать три.

— О, а вот это больно, — вслух сказала она, глядя, как мелкому дали по уху и сделали подножку. Тот со шлёком ударился об пол и больше не поднимался. Главный задира плюнул на него:

— Мамкин огрызок! — повторил он и, удовлетворённый, ушёл вместе с остальными. Они громко смеялись, хвастаясь приёмами, которые только что отработали на этом мелком.

Над телом мальчика на потолке переключился датчик-оптик: красный диод сменился на мигающий жёлтый. Система зафиксировала «нештатную ситуацию», но охрану вызывать не стала. Просто записала. Для алгоритма это был не избитый ребёнок, а «объект с повышенным риском» — и его данные: разбитая губа, нестабильный пульс, зафиксированный сенсорами на стене, агрессия старших — уже улетели в облако, где какой-то рейтинг пересчитывался в фоне, невиди-

мый и безразличный.

Бет выжидала, когда парень поднимется и, поражённый, пойдёт в сторону. Однако он лишь перевернулся на спину и неподвижно уставился в потолок, словно всё вокруг больше не имело для него значения, а мысли унеслись куда-то далеко.

Она не должна была вмешиваться. Не её дело. Сейчас должны были быть мысли об учёбе, о будущем. Четыре класса среднего образования — это так мало для ребёнка, но больше и не давали. Сразу после учёбы её ждала только ежедневная работа с утра до вечера в очистительной системе Нижнего Яра, где работали её родители уже несколько поколений. Где трубы гудели так, что к сорока годам перестаёшь их слышать, и где вода, которую ты чистишь для Верхнего Яра, стоила дороже, чем твоя жизнь.

Выдохнув, Бет всё же решилась подойти.

Мелкий лежал на полу. Лицо было разбито. Губа рассечена. Из носа булькала кровь. Он смотрел в потолок. Не плакал. Просто отрешённый.

Бет нагнулась к нему, и её чёрные, длинные волосы с фиолетовой прядью нависли над ним. Она убрала их за уши.

— Ты чо полез-то, дурень?

— Отвали, — буркнул он.

— У тебя губа рассечена, ты знаешь?

— И что? Мне так нравится. — Пузырёк крови из носа лопнул. Он не вытер. Пусть течёт. Запах железа стал гуще.

Она вздохнула от его грубости. Смотрела на его лицо. Кровь. Синяки. Он зло смотрел в потолок.

— Экспонат увидела? — он вдруг обратил на неё внимание. — Я же сказал: отвали.

Бет выпрямилась и, прижав планшеты к груди, смотрела на него сверху вниз. Она заметила его браслет — жёлтая точка моргнула. На секунду даже показалось, что она стала оранжевой.

— Если дальше будешь себя так вести, у тебя будет красная.

— Мне пофигу, — ответил он. — Не надо меня жалеть.

— Дурак, — лишь сказала она и развернулась к своему классу.

— Вот и иди. Пристала тут.

Бет отошла к своей стене, где считала до этого плитку, и облокотилась спиной, издали наблюдая за мелким.

Он небрежно встал, оглядел её злым взглядом и, вытирая кровь с губы тыльной стороной ладони, выпрямился. Не казался побеждённым. Повреждён, но не сломлен. Бет это даже впечатлило.

Выровнявшись, мелкий поковылял в сторону, куда ушли старшие, протирая губу, с которой всё ещё сочилась кровь. Бет лишь проводила его взглядом.

Он шёл ровно. Не хромотал. Хотя должен был.

Бет знала: в этом коридоре, в этой школе, в этом секторе слабость была роскошью, которую никто не мог себе позволить. Хромота — это «поведенческое отклонение», а отклонение — это штраф, а штраф — это пересчёт рейтинга, а пересчёт — это ремонтные тоннели вместо очистительной системы. Разница не в комфорте. Разница в том, доживёшь ли ты до тридцати.

Она смотрела, как он удалялся, и вдруг поняла, что считает не плитки, а его шаги. Раз, два, три... Сбилась на четвёртом, потому что пальцы предательски дрогнули, и планшет с надписью «Основы фильтрации водоочистителя» чуть не выскользнул из-под руки.

«Не моё дело», — привычно повторила она про себя, как мантру, которой учили с детства: не встречай, не выделяйся, не усложняй себе жизнь.

Но мантра не работала. В груди будто что-то царапалось, и это царапанье было громче тикания метронома в её голове.

Мелкий скрылся за поворотом, и эхо его шагов растворилось в гулком шуме коридора, где уже снова смеялись, хлопали дверьми, кто-то выкрикивал чужое имя. Обычная школьная суета, будто ничего и не было.

Звонок пришёлся ровно на 9:00. С пунктуальностью тут было строго. В коридоре собрались дети — одноклассники Бет. Кто-то здоровался, кто-то перечитывал реферат на планшете, а кто-то просто весело заходил в класс. Рассаживаясь за парты, Бет всегда занимала крайнюю у окна. Из него

был виден Поднебесный Помпей — далёкий, светлый, между платформами-секторами. Приус уходил вниз, а Помпей — вверх. И щель между ними была тонкой. Но достаточной, чтобы мечтать. Бет представляла, как в будущем окажется там, среди роскоши и настоящей жизни. Стать инженером-фильтровщиком высшего разряда. Не смену внизу, а кабинет наверху. Не трубы, а чертежи. Планы были у неё амбициозные.

— Беатрисс Коваль, урок уже начался, — раздался монотонный голос из динамика дрона. Бет вздрогнула, едва не разбросав планшеты. Пальцы сжались. Щёка покраснела. — Чем вы так увлечены?

— Простите. Я... Я задумалась. — Она собрала планшеты в одну стопку и, активировав тот, что с надписью «Математика», положила его перед собой. Несколько голов повернулись.

Кто-то шептался, кто-то фыркнул. Не более. За поведение во время уроков тут тоже делали пометки. Они отображались на браслете цветовыми индикаторами. Зелёный — отличник. Голубой — есть замечания. Жёлтый — средняя успеваемость. Оранжевый — хуже среднего. Красный — неспособен учиться, дальнейшее развитие бессмысленно. И красный был приговором. Работа без образования. Самая

сложная. Самая малооплачиваемая.

Её позвал не человек, а дрон, паривший в воздухе с большой фокусирующей камерой вместо лица. Корпус слегка вытянутый, в нижней части — глаз для проектора. Дроны заменяли учителей. В штате числились люди — управляющий, ремонтный персонал, директор. Но в классах учили машины. Экономия. Лишённые эмоций. Лишённые сочувствия. В случае нарушения директор сам мог наблюдать через дрон потвидеоглазку. Такой учитель был идеальным фильтром и наблюдателем. Отсеивал хороших от плохих. Без ошибок. Без жалости.

Дрон пискнул. Заметка ушла в систему. Индикатор на браслете мигнул зелёным. Бет выдохнула. Она была отличницей и гордилась этим. Смена цвета была бы для неё разговором.

Она краем глаза ещё раз посмотрела в окно. На щель между платформами. Откуда шёл свет. И улыбнулась.

Уроки закончились ровно в 16:00. Браслеты были сданы в камеру хранения во избежание физического вмешательства и перепрограммирования. Камеры стояли вдоль стены

на первом этаже, похожие на шкафчики. Бет сдала одной из первых, проверив, не сменился ли цвет — зелёный. Хорошо. Замечание было зафиксировано, но значения не придало. Сегодня она сдала реферат по «Водоочистительным фильмам» на отлично.

В коридоре была суета. Кто-то выяснял отношения, кто-то рассказывал, как его отец сегодня с завода из Нижнего Яра принёс огромную слизину. Живую. Бет ничем этим не интересовалась. Она считала себя уже слишком взрослой для таких мелочей. Накинув бордовый глянцевого рюкзака на плечо, она направилась к выходу.

Чуть выйдя на крыльцо школы, за ухом она услышала мягкий, почти нежный мелодичный звук входящего звонка. Бет тронула мочку уха двумя пальцами.

— Да, мам.

— Бет, ты помнишь, что нужно зайти к бабушке и забрать у неё ионные батареи для дома? — в ухе возник голос мамы, и перед глазом возник мерцающий экран с её изображением.

Бет вздохнула. К бабушке шлёпать несколько кварталов, спустившись на сектор ниже по лифту.

— Мам, а папа не сможет? Он же на каре. Ему быстрее, а мне ещё...

— Мы с папой сегодня задержимся на работе допоздна. У нас тут небольшая... — голос оборвался, мама сделала паузу. — ...В общем, ты сама понимаешь. Бабушке я уже сказала, что ты скоро зайдёшь.

— Ладно, — выдохнула она недовольно. — Но потом я сижу весь день у монитора.

— В 22:00 чтобы уже спала, — коротко ответила мама.

Мерцающий экран пропал. Бет поправила рюкзак и направилась через дорогу, пропуская электрокары, в сторону главной улицы.

Улицу разделяла магистральная дорога — широкая и всегда в движении. Вверху, выше десятиэтажного дома, нависала платформа верхнего сектора, растекаясь площадью на сотню квадратных километров, усиленная сверхпрочными балками, каналами и трубами. По некоторым местам, словно из неба, тянулись подъёмники для лифтов, объединяющие сектора. Бет направилась к ближайшему.

И всё это задекорировано огромным сборным экраном,

состоявшим из сот. В таком состоянии он стоял уже несколько тысяч лет, и каркас кротогорода выдержал даже падение метеорита пару сотен лет назад. Экран менял в секторах Приуса положение дня и ночи — ровно так, как это было на Terre. Земле. Колыбели человечества. На Геонне это уже звучало как миф или легенда, но технологии были принесены именно оттуда, и никто не смел это оспаривать. Единственная вера человечества на Геонне — воссоединение с колыбелью.

Среднеэтажные застройки вдоль трассы походили на муравейники. Редкие магазины продуктов синтетического питания, ремонта для дома и разного рода забегаловок стояли в ряд ровно, как по команде «смирно». Семиэтажные исполины с балконами, с жёлтыми от света искусственного дня стенами и безжизненными днём окнами. Лишь неоновые вывески дешёвой продукции или бара красили эти стены.

Бет шла от дома к дому, считая шаги в уме, не сбавляя ритма, не обращая внимания на пролетающие мимо кары:

— ...сто семьдесят три, сто семьдесят четыре, сто семьдесят пять, сто...

Бет замерла. Она услышала возню в переулке. Повернула голову. Те самые ребята со школы, старшие, кого-то пинали

ногами.

— Не моё дело... — едва слышно сказала она и чуть было не сделала шаг дальше, но услышала обрывок фразы:

— ...Мамкин огрызок.

Она запрокинула голову вверх и выдохнула. Сейчас она сделает то, чего не делала никогда. Не от жалости к мальцу, а из-за того, что он из себя представлял, когда она увидела его впервые — повреждённым, но не побеждённым.

Она развернулась и, сняв рюкзак со спины, взяла за лямку так, будто собиралась им драться, и направилась в переулок:

— Найти кого посильнее уже кольцо жмёт? — вдруг заявила она угрожающе, покачивая рюкзаком.

— Чего? — старший, тяжело дыша от собственных ударов, обернулся на Бет. Он расслышал, но захотел услышать ещё раз.

— Может, со мной подерётесь? — Бет встала спокойно. Будто уверена в своей победе.

Троица опешила. Последний перестал бить мальчика ногой,

и все трое встали клином к ней. У центрального блеснул имплант на голове — словно выдал ошибку.

— Ты свой страх где-то по дороге выронила? — с непониманием спросил центральный.

— Хочешь проверить и подраться с девочкой?

Трое переглянулись.

— Тогда у вас будет два исхода: либо вас отметелит девочка, либо вы отметелите девочку. Ни один из этих раскладов не понравится вашим друзьям в школе.

Извилина старшего шевельнулась. Он не был тупым — расклад был верным. Девчонок трогать для таких парней было табу, за редким исключением особо борзых. Бет не считалась такой в школе. Она всегда была в стороне, и вряд ли кто поверит, что она сама кинулась в драку, хотя она явно на это намекала.

— Да ну её. Пойдём, Рен, — потянул за собой парень сзади центрального. Он осмотрел её кривым взглядом, и они отступили, сделав привычный плевок в сторону побитого мальчишки у стены.

Бет выдохнула, когда троица скрылась за поворотом, пинная найденную коробку. Она действительно готова была драться — в конце их диалога напрягся центральный, и она это почувствовала. Как напряглось его тело. Как сжались кулаки. То, что она выдала им, было чистой импровизацией.

— ...Семь, восемь, девять, — выдала она вслух ритмично. Опустила плечи, расслабляясь, и бросила рюкзак на землю, повернувшись к мальчишке. Он сидел на пятой точке, прислонившись к стене, чуть поджав ноги и свесив руки с колен. Взглянул на неё целым глазом снизу вверх:

— Ты следишь за мной? — сплюнул кровь, которая набилась на губе.

— Вот ещё чего, — выдала Бет, присаживаясь напротив, оглядывая повреждения. — Плохо выглядишь.

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? — иронично сказал он. Попытался встать, но повреждённая нога не дала. Он скривился.

Бет поняла, что сказала очевидное. Но надо было что-то сказать, чтобы парень не вышел из-под контроля.

Она подтянула рюкзак ближе и расстегнула нижний кар-

ман. Сев в позе йоги на землю, подтянув под себя чёрную юбку, принялась что-то искать.

Поиски были недолгими. Скинув школьный хлам в сторону, Бет достала небольшую коробочку со знаком креста и выложила перед собой. От коробки слабо пахло спиртом и чем-то аптечным — резким, чистым.

— Ты всегда это с собой носишь? — удивился парень.

— Ага. — Она убрала рюкзак в сторону. — Отец подрабатывает дежурным медиком на работе. Его идея. — Ровно и спокойно сказала она, расчехляя коробочку. Спиртовые салфетки, бинт, вата, пакетики с адсорбентом, два шприца обезболивающего, спирт, ножницы и... бриллиантово-зелёный. Зелёнка. Парень изумился.

— Откуда у тебя зелёнка?

Бет посмотрела на него искоса. Зелёнка для этих мест была редким антисептиком — её заменяли другие аналоги, в основном простой бесцветный спиртовой раствор. А зелёнка, на основе вспомогательных веществ, могла лечить даже рваные раны — для людей здесь это было чем-то волшебным.

— А, ну, да. — Парень понял, что вопрос был глупым. Бет разорвала пакет с ватой и вытянула оттуда кусочек. Пропитала спиртовым раствором и сунула мальцу. Он принял.

Бет не хотелось касаться мальчика. Не потому, что брезговала, а потому что позволила ему это сделать самому. Он был ей даже чем-то симпатичен. Не внешне. А характером. Такие волевые личности становились идеальными солдатами, если направлять их в нужное русло.

Парень пожал тремя пальцами ватку. Пахнуло резким медицинским спиртом. Он коснулся губы, поморщился.

— Тебе не кажется, что два раза встретиться при одном и том же случае — это уже странно? Тебя как звать? — вдруг спросила она.

— Ещё и клеится вздумала? — парень даже сам улыбнулся своей шутке.

— Вот ещё! — через смех выдавила она. — Не «Эй ты» же мне тебя называть, когда в следующий раз тебя будут бить эти трое.

Парень вытер губу предложенной салфеткой. Протёр лицо другой. Стал выглядеть уже лучше, но синяки и заплывший

глаз не сотрёшь ни одной салфеткой.

— Рогбал зовут, — осмелился он.

— Понятно, Рогбал. Я Беатрисс, — она оглянулась в сторону, куда ушли трое, словно переживая, что те ещё вернутся.

— Би?

— Что «Би»? — не поняла она, вернулась к нему взглядом.

— Беатрисс как-то долго, — он поморщился. — Би — быстрее.

— Меня Бет обычно зовут, — она расслабилась.

— Бет — это мышь, — он чуть попробовал приподняться.
— А Би — это пчела.

Бет даже не задумывалась об этом. А ведь верно. Мышь — хоть и летучая — прячется в темноте. Её суть не небо. Её суть — тьма, пещеры. Стоки. А пчёлы всегда тянутся к солнцу, к светлему. К будущему. Она одёрнула мысли.

— Ты в школе английский учишь, что ли?

— Не, мама из старых архивов нашла, — он вздохнул. — Наш сагнатский же на основе русского, английского и немецкого придуман. Ты знала?

— Что-то слышала. — Бет знала об этом хорошо, но решила поддержать парня в разговоре. — Ты молодец, что интересуешься таким. Только индикатор рассказывает, что учёба у тебя идёт не очень. — Бет расчехлила обезболивающее и поднесла к ноге. Рогбал отдёргнул, глянув на неё с недоверием. Бет замерла, глянув ему в глаза:

— Это обезболивающие. Успокойся.

Рогбал изучал её взгляд. Не врёт. Видит, что не врёт. И доверил ей ногу.

Закатав штанину, Бет быстро, словно делала это каждый день, воткнула тонкую иглу ему в икру. Нога онемела, потом вернулась чувствительность, а боль ушла на задний план — словно её убрали в сторону, как ненужную функцию, но не до конца.

— Перелома не вижу. Жить будешь. — Коротко оглядела его Бет, откидывая ампулу в сторону урны. — Идти смо-

жешь? Далеко живёшь?

— Смогу, — смело произнёс Рогбал и решился встать. — Нет, недалеко.

Бет смотрела, как Рогбал выпрямился. Как робот, которого только что починили и он готов работать дальше. Он взглянул на свои руки — грязные, в крови, пахнущие спиртом и землёй. Оглядел себя, куртку, ощупал больную ногу. Всё в порядке. Бет собрала всё в коробку и закрыла, убрав в нижний карман рюкзака. Встав следом, они поравнялись. Рогбал был почти её роста. Чуть ниже. Бет подняла бордовый рюкзак, закинула за плечо и пошла к выходу стремительным шагом. Бабушка ждала, а дома ещё хотелось посидеть у монитора.

— До встречи, Роги, — бросила она и скрылась за поворотом, оставив Рогбала одного.

Глава II. «Ба Нэя»

Направляясь по улицам Приуса в сторону лифта, Бэт думала отновом знакомом.

Какой незаурядный малый. Крепкий, упрямый, злой — как гвоздь, который не смог вытащить ни один молоток. Но именно эта крепость его и погубит, если не научится выбирать драки.

Она переступила трещину в плите, машинально отметив, как подошва кроссовка мягко продавila крошащийся край — тот осыпался, обнажив под собой серую, слежавшуюся подушку из песка и битого стекла. Пахло от неё старой пылью и чем-то кислым — будто где-то под землёй мокла и гнила изоляция.

«Дура, — сказала она себе. — Зачем полезла?»

Это была не жалость. Жалость она отмела сразу, ещё в школе, когда увидела, как Рогбал поднялся на ноги, будто ничего и не было. Но ведь кто-то мог её увидеть. Из школы. Из её потока. Кто-нибудь из тех, кто шёл домой по той же улице. Девочка-отличница, тихая, примерная Беатрисс Ко-

валь, вдруг кидается в драку в переулке с тремя старшими? За мальчишку, который ей никто?

Достаточно одного слуха. Один слухок — и всё, конец. Не сдадут экзамены — сдадут одноклассники. Начнут приставать. Сначала просто шёпотом за спиной. Потом начнут задевать — исподтишка, чтобы не поймали. Толкнут в коридоре между уроков, обольют водой из крана в столовой, порвут тканевую наклейку с планшета, чтобы посмотреть, как она будет возиться, подбирая клочки. Начнут ждать её у выхода. Браслет-то у неё на руке, и любое «поведенческое отклонение» — это голубой. А голубой — это уже не «дополнительный год образования». Это «колледж». А это потеря лишних лет и мизерный шанс поступить в «Сагната-Абитур» — лучший университет Помпея Приуса в Поднебесье. До шестнадцати цвет мог меняться — вверх и вниз. После шестнадцати он фиксировался. И тогда пути назад уже не было.

Бет сжала лямку рюкзака. Ткань под пальцами была шершавой и слегка влажной — от ладони, от неё самой, от нерва, который она гнала внутрь. Ноготь зацепился за маленькую торчащую нитку на шве. Бет дёрнула — нитка не поддавалась, только впилась в подушечку пальца. Она оставила её в покое.

«Надо было пройти мимо. Надо было просто пройти ми-

Но перед глазами снова и снова вставал Рогбал: как он перевернулся на спину в школьном коридоре, как смотрел в потолок — не плакал, не звал на помощь, а просто ушёл куда-то внутрь себя. И потом — как он встал. Ровно. Не хромая. Хотя должен был. Тогда она не поняла, почему её это зацепило. Теперь поняла. Он держался за счёт одной только воли, и воля эта была не разрушительная — она была топливом. Такой может и в солдаты выйти. Или в трубу. Как повернёшь.

Бет отбросила мысли в сторону и, вздохнув, начала совершать свой обычный ритуал, который помогал ей концентрироваться:

— Раз, плита. Два, плита. Три, плита...

Она подошла к платформе, где уже стояли люди в ожидании лифта на нижний сектор. По бокам вдоль платформы росли кустарники для декорации. Уютно. Снимает стресс после рутины. Кто-то листал сводки новостей на планшете — экран отсвечивал в его очках, оставляя на сетчатке полосы. Кто-то разминал старую протезированную руку, с хрустом сжимая и разжимая пальцы из дешёвого полимера. Полимер был желтоватый, потёртый по краям, и пах — слабо, но от-

чётливо — горячей пластмассой и машинным маслом. Третий разговаривал с кем-то по нейросифу — глаза в сторону, губы едва шевелятся, перед ним мерцал полупрозрачный экран, висящий в воздухе. От экрана шло лёгкое голубоватое свечение, и по краям его бежали тонкие помехи, будто кто-то дышал на стекло.

Объединяло одно: все были уставшие. Каждый житель Приуса не жил, а выживал от зарплаты до зарплаты, выискивая халтурку, чтобы оплатить детям колледж. Но никто особо не жаловался — все в Приусе, если ты не тунеядец, зарабатывали ровно столько, чтобы не голодать. Ровно столько и чуть больше за переработку, чтобы посидеть ещё и в ночных барах.

Бет встала в очередь, поправив рюкзак. Лямка резанула плечо — она перекинула её чуть выше, на ключицу, и под кожей остался розовый вдавленный след, который тут же начал саднить. В воздухе стоял запах озона — от старой проводки под платформой, и запах подгоревшего синтетического масла — от протеза, который разминал впереди стоящий мужчина.

По улице мчались разноцветные электрокары — с акульими носами, откидными вверх дверями и заниженной подсветкой. У каждого — неестественно большие шины с вы-

пуклыми дисками, и каждый катился бесшумно по своим делам. Реже мелькали электроциклы — скорее роскошь для Приуса. Тот, кто обладал двухколёсной машиной, принадлежал либо к банде, либо к клубу «двухколёсников». По ночам они устраивали свои рейды, объезжая все сектора, которые дорогой соединялись по спирали — сверху вниз, от первого сектора до самого Нижнего Яра, через длинный тоннель, который объединял эти два яра. Бет слышала их гул сквозь сон: тонкий, высокий, будто комариный писк, который растягивается на несколько минут, пока процессия не пронесётся мимо её платформы.

У неофора — голографический указатель с переключением разрешающего цвета — стоял электроцикл. Он ждал зелёного света, урча еле слышно, как большая сытая кошка. Бет загляделась.

За рулём сидел киборг — наполовину собранный, наполовину живой. Правая часть тела была полностью из металла и хрома. Плечо — гладкая пластина, отполированная до блеска, с тонкой гравировкой по краю — вензель, похожий на логотип старой корпорации. Рука — сегментированная, из матовых сочленений, с пальцами чуть толще человеческих. На запястье — открытый порт, куда кто-то вставил кабель и забыл вынуть. Кабель свисал, покачиваясь в такт урчанию двигателя. Шея — переход от живого к металлу — была вид-

на отчётливо: кожа, потом резкая граница, потом хром. Будто кто-то отрезал по линейке.

Лицо — перешитое. Шрамы шли от виска к подбородку, пересекая губы, стягивая кожу в неровные складки. Один глаз был живой — серый, усталый. Второй — имплант: маленький, круглый, с тонкой сеткой капилляров, отдающих красным. На голове вместо волос — красный ирокез. Шипы, торчащие вверх, будто кто-то насадил их на череп и забыл убрать. Очки — массивные, с толстой оправой — светились голубым. Свет шёл изнутри, из линз, и по краям оправы бежали тонкие помехи, как у нейросифа.

Он сидел неподвижно. Смотрел на указатель. Ждал.

Корпус электроцикла был матово-чёрный, с фиолетовыми прожилками подсветки вдоль рамы. Подсветка шла не ровно, а с перебоями — то ярче, то тише, как дыхание. Сиденье — узкое, сзади чуть задранное, обшито чем-то похожим на кожу, но слишком гладким. Бет прищурилась. Нет, это был полимер — дешёвый, но искусно состаренный под кожу. Хитро. Владелец явно не из тех, у кого водятся настоящие деньги, но хочет выглядеть так, будто водятся.

Переднее колесо — толстое, со сплошным диском вместо спиц. Диск слегка повело — на ходу это будет давать бие-

ние, и на скорости больше сотни цикл начнёт вибрировать. Заднее — примерно такое же, с грязевым щитком, на котором виднелась трещина, припаянная чем-то. Фара — в форме капли, с потёками старого герметика по краям. Кто-то лепил её наспех. Или в дождь.

Бет смотрела, как заворожённая. Пальцы сами потянулись в рюкзак — за планшетом, за стилусом, чтобы набросать схему. Она уже видела, как разложит этот цикл на детали: рама, вилка, крепление двигателя, блок питания, рекуператор. Она любила так делать — разбирать вещи глазами, а потом воспроизводить по памяти. Это успокаивало. Это было её личное, никем не отобранное умение. Отец говорил, что у неё глаз деда — тот тоже мог посмотреть на трубу и сказать, где она потечёт через месяц. Это был её дар объёмного мышления.

Она успела запомнить: угол наклона руля — пятьдесят градусов от вертикали. Толщина передней вилки — с палец. Два болта на крыле, оба хромированные. Пахло от цикла горячим металлом и чем-то жжёным — как от старого утюга, который забыли выключить. От киборга пахло иначе — машинным маслом, нагретым пластиком и чем-то ещё, слабым, больничным, будто от старой повязки, которую давно пора сменить.

Киборг повернул голову. Очки блеснули голубым — и погасли. Он смотрел на неё секунду, не больше. Живой глаз — серый, усталый. Имплант — красный, немигающий. Потом отвернулся — к указателю. Тот мигнул зелёным. Цикл рванул с места, и звук его двигателя растворился в гуле магистрали.

Она не заметила, как лифт приехал.

Барьерный щит распахнулся беззвучно — соты разошлись в стороны, испуская короткий зелёно-голубой импульс, и Бет вздрогнула. Мужчина с протезом уже заходил внутрь. Женщина с планшетом стояла на пороге, оборачиваясь. Кто-то сзади негромко сказал:

— Ну, что встала?

Бет моргнула. Щёки залило краской — быстро, горячо, до корней волос. Она шагнула вперёд, прижав рюкзак к боку, и вошла в лифт вместе со всеми. Цикл остался позади — так и не дождавшись зелёного.

Щит за ней сомкнулся с тихим, почти ласковым гудением. И лифт пошёл вниз.

Внутри было широко, как в грузовом отсеке, но низко —

метра три. Пол был грязным, липким. Подошвы кроссовок прилипали, и при каждом шаге раздавался едва слышимый чмокающий звук. В углу тусовались алкаши, которые сегодня отлынивали от работы и шумно обсуждали что-то своё — кто чего добился в жизни, кто кого обошёл. Один сплёвывал на пол густо, с вязким звуком. В воздухе стоял запах перегара — тяжёлый, кислый, с примесью чего-то синтетического. Второй кивал. Третий молчал и смотрел в стену. У него на щеке была свежая ссадина, и он то и дело трогал её пальцами — машинально, будто проверял, на месте ли.

Лифт двинулся вниз, внутрь платформы. Метров тридцать — полная темнота внутренней части шахты. Потом показался нижний сектор. Они словно спускались с неба, опускаясь на крыши домов. Лифт шёл быстро. Примерно через тридцать секунд — уже сектором ниже. Щит распахнулся, выпуская и запуская людей. Лишь десять секунд давались, чтобы насладиться видом: крыши нижнего города, маленькие кары, мчавшиеся по магистралям, и огни — тусклые, жёлтые, живые. Бет вышла и пошла дальше.

Бет вышла из лифта и сразу почувствовала разницу. Нижний сектор ничем не отличался от остальных — те же дома, те же магазины, то же искусственное небо, те же кары. Лишь

редкие детали выдавали ориентир: украшенные жильцами по-другому фасады, по-другому висевшие неоновые вывески, магазины и бары, стоявшие в других местах. И автомойка. Всё остальное не выдавало различия.

Она вошла в арку дома и свернула на улицу. Двор был в коробке домов — небольшие детские площадки из старых электрокаров и мебели, редкие деревья для декорации, фонарные столбы вдоль дороги, идущей к стоянке. Там уже стояло несколько каров. Людей почти не было, но дети веселились, играя в догонялки. Бет кинула на них взгляд и подошла к нужному подъезду. Нажала сенсорную кнопку домофона. Тихий звонок. Динамик прохрипел:

— Открываю, заходи.

Замок пискнул, магнит отключился, и Бет потянула дверь на себя. Местные управляющие компании давно забыли про плановые ремонты — дверь открывалась только вручную. Зато поднимать плату за аренду, вводя какие-то новшества, больше похожие на мыльный пузырь, они любили. Бабушка часто об этом рассказывала. Но после того, как к ним в офис пришли жители и разнесли там всё, про поднятие аренды в целях нововведения они говорили с особой осторожностью.

Подъезд был грязным — стены исписаны баллончиками,

на подоконниках копать от спичек, которыми кто-то развлекался, поджигая почтовые ящики. Где-то в квартирах выясняли отношения: приглушённый мужской бас, женский визг, что-то упало. Заорал ребёнок — ровно, монотонно, будто сигнал тревоги, который некому выключить. На площадке третьего этажа стояла молодая парочка. Парень прижимал девушку к перилам и пытался поцеловать. Та отворачивалась — не злобно, а устало. Бет прошла мимо, стараясь не задеть их плечом. Бабушка жила на четвёртом этаже. Лифта в подъезде не было — только лестница, и ступени были скользкими от влаги.

Бет поднималась, снова считая — теперь ступени. Раз, два, три... Привычка. Ритм. Порядок в голове, когда снаружи — хаос.

На четвёртом этаже — последняя дверь слева. Бет позвонила. Дверь отъехала в сторону с тихим шорохом.

— Ба, я пришла.

Из комнаты появилась женщина в возрасте — но явно пренебрегавшая подтяжками и имплантами омоложения. Лицо у неё было живое: морщины, как дорожки, седые волосы, собранные в тугий узел на затылке. Руки — крепкие, сухие, с выпуклыми венами, но уверенные. Она смотрела на

Бет с тем выражением, которое Бет помнила с детства: одновременно строго и тепло.

— Бет, я же просила: не называй меня так, — сказала она с обидой, но без злости. — Сейчас вынесу твои батареи.

— Ба, ну не Нэя же мне тебя звать, — Бет прошла внутрь, разуваясь у порога.

— Именно так и называй.

Бет не стала спорить. Она знала, что бабушка терпеть не может слово «ба» — считала его дешёвым, из тех, что в мыльных операх нижнего сектора используют. «Нэя» — так звали её все, кто знал. Даже соседи. Даже дрон-доставщик, который раз в неделю заносил ей заказы с ближайшего салона.

Бет осмотрелась. Квартира была маленькой — две комнаты, кухня, санузел. Всё старое, но чистое. На стенах — фотографии в рамках. Редкость для современной молодёжи, которая предпочитала смотреть снимки на планшетах после последнего обновления — можно хранить их в «Приус-Тейл» и смотреть оттуда в любое время. Бет узнавала некоторые: мама молодая, с короткой стрижкой и смеющимися глазами. Дед — угрюмый, в рабочей робе, с разводами

от труб на руках. Он умер четыре года назад — обвал в ремонтном тоннеле. Система зафиксировала «нештатную ситуацию». По страховке выплатили неплохую сумму, но почти вся она ушла на дорогую кремацию тела. Бет помнила, как мама плакала в коридоре, прикрывая рот рукой, чтобы Бет не слышала. Бет слышала.

Раздался шум. Что-то упало. Послышалась брань:

— Нэя... Ба? Ты там в порядке?

— Я тебя сейчас тем, что упало мне на голову, огрею! — раздался нервный голос.

Бет чуть рассмеялась. Она любила подшутить над Нэей, а Нэя любила на это реагировать. Не от злости. Просто это было их живое общение. Бет напоминала ей мужа.

Нэя вынесла из кладовки, держась за голову, четыре ионные батареи — плоские, тяжёлые, в металлических корпусах. Поставила на стол.

— Две заряжены полностью, две — на семьдесят процентов.

— Спасибо, Нэя. Мама сказала, что они задерживаются

допоздна, — Бет убирала батареи в рюкзак, аккуратно, чтобы не повредить корпуса. — Тебе она звонила?

Нэя уселась в кресло, включая монитор перед собой. Раздался звук какого-то сериала:

— У них на фильтрах опять сбой. Сильный. Говорят, кто-то из верхних перекрыл подачу на профилактику — без предупреждения. Ремонтная бригада не успела. Вот и разгребают.

— Долго?

— Наверное, останутся на вторую смену, — пожалала она плечами. — Начальнику придётся подписать с ними договор на переработку. Будет что отложить тебе на учёбу.

Бет знала, что это значит. Когда верхние закрывали задвижку, нижним доставался напор — грязная вода шла под давлением, рвала фильтры, заливала тоннели. А разгребали — родители. Смена растягивалась на двенадцать, а то и четырнадцать часов. Доплата, согласно документам. В Нижних Ярах это строго. Местные банды, которые выступали там за третейских судей, шутить не любили. Их можно было бы назвать военизированным профсоюзом, для которого обычный рабочий — «фурман» — был ценнее их начальника.

Обидеть фурмана — плевок в карман банде.

Бет села напротив Нэи и налила себе стакан воды. Воды — не вторичной, а настоящей. Бет знала, откуда она: бабушка с детства знала искусство дестерилизации, и её запасы чистой, кристальной воды расходились по кварталу бутылками. А настоящая вода в Приусе иной раз стоила дороже, чем ионные батареи.

— Понятно. Надеюсь, там всё хорошо, — она сделала глоток. Мягкая, безвкусная, холодная вода пролилась по горлу.

— А ты помнишь дедушкины записи? — вдруг спросила Бет. — Он что-то писал про фильтры. Про давление в магистралах. Мне бы для рефератагодились.

Нэя отключила звук и взглянула на Бет сквозь экран.

— Для реферата? И что ты в своём реферате хочешь написать? Как дедушка был прав, что система не выдержит? Что трубы в Нижнем Яре проложены на скорую руку, и однажды всё это рванёт? Ты хочешь, чтобы проверками и комиссией из Поднебесья задолбали и твои родители переехали в Нижние Яры с дома на постоянную работу по перекладыванию труб?

Бет замолчала. Дед был инженером. Настоящим — не дипломом из нижней школы, а руками и головой. Он чинил то, что чинить было уже нельзя, и знал это. И писал — в тетрадь, от руки, потому что электронные записи исчезали. «У них всегда исчезают», — говорил он. Бет видела эту тетрадь однажды. Она лежала в ящике стола, за которым дед работал. После его смерти тетрадь забрали — вместе с вещами, вместе с инструментом. Нэя не знала куда. Или знала, но не говорила.

— Бет, — Нэя включила звук обратно. — Ты не глупая девочка. Но иногда твои мысли слишком экстремальны.

— Это я знаю... — тихо сказала Бет своим мыслям, вспоминая, как заступилась за Рогбала и подвергла себя риску ради непонятного.

Нэя взглянула на Бет с подозрением, что она что-то недоговаривает. Вновь отключила звук.

— Я вижу этот взгляд, Бет. — Она движением двух пальцев сдвинула экран по кругу в сторону. — Что ты натворила?

Бет вздохнула. Нэя была последней, кому она хотела врать:

— Там, в переулке... — начала она, потирая влажные руки. — Я заступилась за мальчика, которого избивали хулиганы нашей школы.

— И? — Нэя наклонилась ниже, внимательно слушая.

— И ничего. — Она посмотрела бабушке в глаза. — Я выдвинула им аргументы, которые заставили их отступить. Но боюсь, что это может сказаться на отношении в самой школе со сверстниками, если эти трое разболтаются и перевернут всё с ног на голову. Меня могут начать травить в школе.

— А парень чего?

— Парень... — Она задумалась. — Его зовут Рогбал. Он младше меня. По-видимому — первоклассник. Не рассказывал, за что его избивали, да я и не интересовалась. Но... Понимаешь? Он похож на меня, только с другого ракурса. Упорный, одинокий, настойчивый, идущий к цели, даже несмотря на падения.

Нэя заметно оживилась, нежно улыбнувшись:

— Может, ты просто нашла своего человека?

— Не-ет! — возразила и откинулась назад Бет. — Ты что?

Он же малолетка. Ему в кубики играть, а я от кубиков отошла ещё в три года.

— Не знаю, о чём ты думаешь, Бет, — Нэя откинула одну бровь вверх, — но тебя никто не заставляет играть с ним в кубики.

Бет фыркнула и отвернулась к окну. За стеклом искусственное небо уже наливалось синим — ночь. Пора было идти.

Детей во дворе уже не было. Через арку, со свистом в двигателе, на стоянку после работы заезжали электрокары с тупыми носами. Пропустив пару, Бет шагнула в арку на другую сторону, где была уже главная дорога.

Обратный путь Бет проделала по тому же маршруту, но уже без спешки — Нэя успела напоить её чаем и собрать контейнер с домашней едой, и теперь рюкзак оттягивал плечо сильнее обычного. Батареи тихо гудели в боковом кармане, и к этому звуку примешивался мягкий стук контейнера о стенку — тук, тук, тук — в такт шагам, будто второй метроном, подстроенный к первому.

Лифт прибыл не сразу. Бет постояла на платформе, глядя, как сектор внизу медленно гасит окна. Один за другим — как гаснут звёзды, которых она никогда не видела по-настоящему. Только на экране. Только нарисованные. Нэя рассказывала, что дед помнил настоящие — когда каркас ещё не закрыл небо целиком, и сквозь щели между платформами можно было разглядеть что-то мерцающее, далёкое, непонятное. «Он стоял на крыше и смотрел, — говорила Нэя. — Как ребёнок. Хотя сам был ребёнком тогда.» Бет не знала, правда это или Нэя приукрасила — бабушка умела. Но хотелось верить.

Лифт пришёл. Бет шагнула внутрь — на этот раз пустой, без алкашей, без протезов, без разговоров. Одно короткое мгновение темноты, и вот уже платформа Приуса. Двери разошлись, впуская вечерний свет — тёплый, оранжевый, будто кто-то пролил на экран закат и забыл вытереть.

Бет вышла и зашагала домой, прижав к боку рюкзак с батареями. Они тихо гудели — еле слышно, как урчание кошки.

Солнце на составном экране уже импровизировало закат. Оранжевый свет заливал стены среднеэтажек, и на миг Приус выглядел почти красивым. Бет знала, что это обман. Но разрешала себе этот миг. Одно мгновение, пока счёт не сбил-

ся.

Пройдя несколько кварталов дворами, Бет подошла к своему дому. Это была пятиэтажка в новострое. Родители взяли её в кредит и теперь вынужденно платили немалую сумму, которую позже будет платить и она. Возле подъезда стоял мусорный бак, от которого тянуло чем-то кислым и затухшим. С другой стороны — квадратная клумба, усеянная генетически изменёнными цветами и травой. Она подсвечивалась лёгким неоновым ультрафиолетом с бордюров. Кинув взгляд на мусорку, Бет заметила пчелу — позднюю, запозднившуюся. Та возилась у самого края бака, что-то изучая. Был уже вечер, поздно для облёта, но пчела была тут. Не найдя ничего для себя полезного, она взмахнула крыльями и перелетела к клумбе, к ближайшему цветку. Сделав несколько быстрых облётов вокруг распустившихся цветов, пчела рванула вверх — к крыше, к небу.

Она никогда ещё не замечала пчёл настолько живо. Она знала, что они больно жалят, служат важной экосистемой в городе и садах, полосатые и летают. Но видеть в них что-то символичное — никогда. Проводив пчелу взглядом, Бет на минуту застыла как статуя. Её мысли переплетались, и главное возникло в голове: «Ты хочешь быть пчелой или мышью?» — спросила она сама у себя мысленно. И, обратив внимание, что скоро будет поздно и начнётся комендантский

час для тех, кому нет шестнадцати, — Бет ждать ещё год, — она одёрнула свои мысли и шагнула к подъезду, приложив палец к домофону.

Подъезд был заметно чище, чем у Нэи. Запах свежей побелки, неоновые нити по потолку до последнего этажа. Подъезд был полумрачным, но в то же время тёплым и спокойным. Поднявшись на второй этаж, она чётко знала, сколько ступенек до её квартиры, но каждый раз их пересчитывала, будто проверяя, всё ли на месте. Приложив карту к замку двери у стены слева, дверь отъехала в сторону, и Бет зашла домой.

Дома было пусто. Пахло дешёвым синтетическим ароматом из диффузора. Она щёлкнула выключателем, и квартира озарилась светом. Впереди по короткому коридору располагалась небольшая кухня с барной стойкой. Справа — большой, казалось бы, полупустой зал. А через зал — её комната.

Бет оставила батареи у двери, сняла с себя рюкзак, блузу и кроссовки. В стене отъехал отсек для обуви. Бет аккуратно положила туда кроссовки, и отсек тихо заехал обратно. Захватив бордовый рюкзак с собой, она направилась в свою комнату, чтобы поскорее переодеться и сесть за монитор — придумывать новые рефераты, выискивая новые темы в сети. Экран загорелся, и перед ней поплыли учебные матери-

алы — фильтры, схемы, давления, потоки. Она читала, но мысли уплывали. Не к фильтрам. Не к учебникам.

К Рогбалу.

«Бет — это мышь.»

Она усмехнулась. Парень двенадцати лет, с разбитой губой и ушибленной ногой, и тот умудрился переименовать её точнее, чем она сама за пятнадцать лет.

Бет тронула мочку уха.

— Раз, два, Би, — сказала она тихо, пробуя. — Раз, два, Би.

И вернулась к экрану.

За окном составной экран погасил дневной свет и включил ночной — тусклый, синий, холодный. Где-то внизу загудел электроцикл — далёкий, тонкий. Рейд «двухколёсников» начинался. Бет не слышала. Она считала формулы.

Глава III. «Школа»

Бет проснулась по будильнику умного дома. Ровно в 6:30. Это был ее ежедневный ритуал, даже в выходные от учебы дни. Раздалась классическая музыка, и, сбросив с себя одеяло, она лениво встала с кровати. Найдя мягкие тапочки, Бет взяла свой учебный планшет с кровати и движением одной руки в воздухе распахнула нежно-розовые автоматические шторы. Комната озарилась светом. Искусственное небо уже воспроизводило иллюзию солнечного света.

— Доброе утро, Беатрисс. Погода стабильная, +25. Днём планируются осадки для увлажнения воздуха в Приусе и оседания пыли. Осадки будут не более одного часа. Заметки: пусто. Планы: пусто. Одно сообщение от ваших родителей. Воспроизвести?

Бет широко зевнула, прикрыв рот.

— Спасибо, Санда. Странно... Вроде бы добавляла вчера заметку — вычитать ещё раз главу по техническому сооружению. — Она списала это на какой-то сбой или просто Санда её не услышала. Бывает и такое. — Ладно... Воспроизведи сообщение. — Направившись к умывальнику, она одним касанием по сенсору активировала тёплую воду и, глядя на планшет, стала читать тему предыдущего урока: «Креолит и его свойства».

Писк. Щелчок. Голос матери:

— Бет, не стала тебе звонить, зная, что ты либо спишь, либо делаешь уроки. Значит, ты прослушаешь это сообщение утром. Мы остались на вторую смену. Тут у нас ЧП. Автоматика рухнула, ждём специалистов для калибровки. В общем, работаем вручную, пока не настроят. Если еды дома нет — иди к бабушке. Будем завтра утром. Целую.

Бет чистила уже зубы ментоловым гелем и брезгливо поморщилась от последнего слова. Она не лишена сентиментальностей, но это было для нее лишнее.

— ...И не морщись! Морщины появятся, — добавила под конец сообщения мама.

— Сообщений больше нет, — сказала Санда.

Бет знала, что мама так в конце добавит, так как знает ее привычки как облупленную, но от этого каждый раз ей было смешно. Она улыбнулась зеркалу, сплюнула гель и промыла рот тёплой водой.

Умыв лицо и руки напоследок, Бет вышла из ванной комнаты и зашла на кухню. Кухня была светлой и чистой. Но не из-за того, что тут постоянно убираются, а потому, что некому её пачкать. Мать и отец постоянно на работе, а Бет то в школе, то у Нэи.

Взяв блузку со стула, она попутно поставила кружку рядом с автоматическим термопотом. Вода внутри термопота зашипела, поддерживая нужную температуру для её будущего чая. Активировался плоский телевизор в стене. По каналу

шли какие-то мультфильмы, созданные искусственным интеллектом, и реклама. На фоне красивого высотного города, где катались дорогие кары и неоновые вывески брендов, стояли двое молодых — девушка и парень. Красиво и аккуратно выглядящие, с нашивкой университета «Сагната-Абитур»:

— Голос наших детей — голос нашего будущего. Университет Сагната-Абитур — мы учим голосом поколений.

Бет отложила планшет на барную стойку, взяла кружку и добавила туда кубик, который при добавлении воды делал чай. Налив чуть больше половины негорячей воды, запах ударил в нос — цитрус. Лимон. Тонкий, свежий, как будто мама только что срезала цедру с синтетического растения. Бет встала за барную стойку, облокотившись локтями, и едва поднесла чай к губам — застыла. Холодок прошелся гуськами по коже. Дедушкины, настенные часы над экраном — механические, с системой автозаводки, подаренные на свадьбу и никогда не ошибавшиеся, — показывали 7:45.

Пятнадцать минут, чтобы собраться и добежать до школы. Иначе прогул.

Сердце бешено забилося, в уши застучала кровь. Кружка выпала из рук на пол и разбилась. Чай — с цитрусовым вкусом, тёплый — растёкся по плитам, и запах стал гуще, резче, будто кто-то раздавил лимон прямо на полу.

— Санда, калибровка времени, быстро!

— Проверяю. Согласно сети, точное время 7:46. Исправила. Спасибо.

— Чёрт! — Бет сорвалась с места, позабыв про разбитую кружку на полу.

Судя по времени, она не успеет даже собрать себе завтрак. Наспех надев форму и схватив в охапку планшеты, что валялись по кровати после ночных уроков, Бет подскочила к зеркалу.

На экране зеркала, сбоку, вспыхнул смайлик — мелкий, но заметный. Под ним — строка текста. Из динамиков раздался женский голос, ровный и механический:

— Беатрисс, вы сегодня прекрасно выглядите. Пульс нестабильный. Как вы себя чувствуете? Может, вызвать врача-консультанта?

— Санда, что у тебя со временем?! — зло фыркнула Бет, расчёсывая волосы. — Мне теперь за одиннадцать минут нужно успеть до школы. Иначе будет очень-очень плохо!

— Из-за ночного сбоя сети сбились настройки конфигурации, Беатрисс. Прошу прощения.

— Чёртова сеть, Санда!

Бет поправила фиолетовую прядь, одёрнула блузку и юбку, пнула стену. Оттуда вылез отсек для обуви. Она сунула ноги, затянула шнурки фиксатором — всё заняло не больше четырёх минут. Активировав замок пальцем, Бет закинула бордовый рюкзак за спину, поправила планшеты под мышкой и выбежала в подъезд.

Бет вылетела из подъезда, и искусственное утро ударило в глаза — резкое, белое, ещё не набравшее оранжевого оттен-

ка. Экран над головой уже переходил с утреннего на дневной режим. 7:49. Она никогда не выходила так поздно.

В воздухе висел запах утреннего озона — от старых проводов под платформой. И что-то ещё, слабое, кисловатое — будто где-то внизу, в шахте, мокла и гнила изоляция.

Ноги сами нашли ритм. Раз, два, три, четыре, пять... — создавала она себе быстрый мысленный ритм метронома. Главная улица встретила её гулом — электрокары, редкие в этот час, но всё же. Бет перепрыгнула трещину в плите, свернула на тротуар и прибавила шаг, прижимая планшеты к груди. Лямка рюкзака врезалась в ключицу, но она не сбавила.

7:51. Оставалось девять минут, а до школы — ещё квартал и переход через магистраль.

Она уже видела здание: серый бетонный куб с видом аквариума, с выдвижными дверями на крыльце, которые в 8:00 смыкались с глухим, тяжёлым лязгом. После — только через охрану. А охрана — это протокол. Протокол — это браслет. Браслет — это голубой. Голубой — это конец.

Бет бежала. Люди навстречу шарахались, кто-то выругался вслед. Она не слышала.

7:53. Мостовая перед школой. Ещё тридцать секунд.

Прохожий появился из ниоткуда — высокий мужчина в сером плаще, с планшетом у уха, взгляд в сторону, шаг наперерез. Бет попыталась увернуться, но плечо ударилось о плечо. Толчок. Планшеты выскользнули из-под руки.

— Твою!

Она рухнула на колени. Тканевые наклейки — «Математика», «Естественные науки», «Сагнатский» — разлетелись по плитам. Экран одного мигнул и потух. Второй остался цел. Третий треснул по диагонали.

Мужчина пах табаком и какой-то дешёвой синтетической кожей. Он что-то буркнул и пошёл дальше, не обернувшись.

7:55. Бет сгребла планшеты в охапку — не считая, не проверяя, — и рванула к переходу. Магистраль. Электрокар пронёсся мимо, обдав горячим воздухом. Второй. Третий. Бет перепрыгнула ограждение и побежала по зебре. Шины визгнули где-то справа, но она уже была на другой стороне.

7:58. Школьное крыльцо. Двери начали сходиться.

Бет закричала — не словами, просто горлом, — но звук утонул в гуле магистрали. Она видела, как створки смыкаются: медленно, неумолимо, как челюсти. Два сантиметра. Сантиметр. Щель сужалась.

7:59.

Она не успела. Двери сомкнулись перед её носом с тяжёлым, окончательным лязгом. Тишина. Снаружи — она.

Бет стояла, прижав к груди треснувший планшет. Внутри всё оборвалось. Прогул. Только не это.

И тут она заметила: створки не до конца сомкнулись и едва заметно дёргались. Между ними — тонкая, почти невидимая полоска света. Миллиметр. Два. Что-то мешало им закрыться до конца.

Изнутри, сквозь щель, показались пальцы, которые пиха-

ли в щель что-то тонкое и металлическое. Дверь нехотя, но чуть поддалась. Появились чьи-то пальцы. Они просунулись в зазор и упёрлись в край створки. Потом — вторая рука. Двери дёрнулись в стороны, сопротивляясь.

Бет шагнула ближе, не понимая, что происходит. В щели мелькнул глаз.

— Рогбал? — уставилась она в щель.

— Что встала?! Помогай давай!

Крикнул он в щель. Она опомнилась и, прижав планшеты под мышкой, вцепилась в щель, вцепилась в край створки, пытаясь раздвинуть их шире. Рогбал изнутри давил плечом, рукой, всем телом. Шестерни чуть скрипнули. Механизм поддался. Щель расширилась на ладонь, на две, уже на голову. Планшет Рогбала, тот самый, что он подставил, хрустнул, но держал.

— Давай! — прошипела Бет сама себе.

Она просунула руку, потом плечо, потом голову. Рогбал схватил её за предплечье и рванул. Бет протиснулась — боком, царапая кожу о металл, — и упала внутрь, на пол, на холодные плиты.

От Рогбала пахло маслом и горячей изоляцией — резко, терпко, как от старого утюга, который забыли выключить. И ещё чем-то — слабым, больничным, будто от старой повязки, которую давно пора сменить.

За спиной двери сомкнулись с грохотом. Запечатались. Замок щёлкнул.

Бет лежала на полу, тяжело дыша. Рядом — Рогбал. Он сидел на корточках, глядя на то, что осталось от его планшета. Тот самый, что держал створки. Разломанный. Мерцающий экран мигал обрывисто.

Он поднял на неё взгляд. Целый глаз. Заплывший — почти не открывался.

— Хорошо, что механизмы дверей не такие сильные. Забота о детях, — иронично ухмыльнулся он.

Бет смотрела на него. На осколки его планшета. На то, как он даже не поморщился, когда дверь сломала его вещь.

— Ты... — только и выдохнула она, не зная, что ответить. — Я...

— Ага, — Рогбал пожал плечами, поднимаясь. — Тебе на урок пора, Би.

Он развернулся и пошёл в сторону своего класса, не оглядываясь.

Бет осталась стоять на коленях, прижимая к груди свои треснувшие планшеты. Где-то в глубине школы прозвенел звонок. 8:00. Урок начался.

Она не опоздала. Но теперь у неё был должник. И, кажется, наоборот — это она была должна.

Бет поднялась с пола, отряхнула юбку, поправила рюкзак. Планшеты — те, что уцелели, — она прижала к груди. Мерцающий экран мигал, но работал. Она быстро оценила: «Математика» — цел, «Естественные науки» — трещина на

планшете, но читаемо, «Сагнатский» — плата сломана. Но не критично. Стоит заменить.

Рогбал уже развернулся, чтобы уйти.

— Ты... Ты почему сам тут по коридорам бегаешь? — вдруг вырвалось у неё. Без благодарности, наспех, как будто это имело значение.

Он остановился на полшага, бросил через плечо:

— Увидел в окно. Понял, что не успеешь.

Бет на секунду застыла. Жертва ради неё? Или просто решил отдать долг за вчерашнее? Она не знала. Но что-то в груди сжалось — не от жалости, а от чего-то другого, чему она не нашла названия.

— Спасибо! — крикнула она вслед.

Эхо её голоса растворилось в пустом коридоре. Рогбал не обернулся и лишь махнул рукой в ответ.

Бет подхватила планшеты с пола и быстро зашагала к шкафчикам. Бет достала со шкафчика браслет, надела на руку, поправила ремешок. Взглянула на индикатор. Зелёный.

Выдохнула.

И побежала к лестнице на второй этаж, цокая каблучками по креолиту, прижимая планшеты к груди. Коридор был пуст. Уроки начались. Поднявшись на второй этаж, она перешла на быстрый шаг — уже не бег, бежать было поздно, — и направилась к своему классу.

Дверь закрыта. За ней — ровный, монотонный голос дрона, читающего тему.

Бет выдохнула, приложила палец к панели. Дверь отъехала.

В классе повернулись головы. Дрон замолчал. Камера-объектив медленно повернулась к ней — большая, тёмная, как зрачок.

— Беатрисс Коваль, — произнёс дрон ровно. — Вы опоздали на четыре минуты. Замечание уже в вашем реестре. Потрудитесь объяснить для протокола.

Бет стояла в дверях. Щёки горели, но она держала спину прямо. В голове уже сложилась фраза — гладкая, безопасная, из тех, что не вызывают вопросов.

— Прошу прощения. Я зачиталась материалом предыдущего урока. Тема «Креолит и важность его свойств» оказалась... — она сделала паузу, — ...слишком увлекательной. Я не заметила, как прозвенел звонок.

Класс молчал. Кто-то фыркнул. Кто-то переглянулся. Дрон не двигался. Потом камера мигнула — зелёный индикатор на корпусе сменился на жёлтый, потом снова на зелёный.

— Похвальное рвение, — сказал дрон. — Раз вы так увлечены темой предыдущего урока, я обязательно вызову вас сегодня. Садитесь.

Бет кивнула и прошла к своему месту — крайняя парта у окна. Села. Планшеты положила перед собой. Руки чуть дрожали, но она спрятала их под стол.

Браслет на запястье мигнул. Она взглянула — индикатор

дёрнулся, переливаясь, но остался зелёным. Замечание зафиксировано. Цвет не изменился.

Бет выдохнула. Пронесло.

Дрон вернулся к теме. Голос — ровный, механический, без интонаций. Бет смотрела в окно. За стеклом — искусственное небо, уже набравшее дневной синевы. Где-то там, внизу, магистраль, переулки, спешащие на работу люди.

Она опустила взгляд на свои планшеты. Треснувший экран «Естественных наук» мерцал. Бет провела пальцем по трещине. Потом посмотрела на браслет. Зелёный.

«Хорошо», — подумала она. И активировала планшет «Естественные науки».

Урок продолжился.

— ... Что ещё раз говорит, что креолит — один из самых незаменимых материалов в нашем городе...

Класс записывал и слушал. Полтора часа лекций без повторов и ни одного права на ошибку не усвоить материал. Дрон рассказывал монотонно, почти как сказку на ночь — с сухими формулами и правилами. Его голос шёл из динамиков, ровный, без единой интонации, и от этого казался ещё более чужим. Мерцающий экран на полстены транслировал схемы: стрелки, примеры, выделенные красным суффиксы. Свет от экрана ложился на лица детей — бледный, голубоватый, как от старого монитора.

Запах в классе стоял особенный: озон от техники, смешанный с синтетическим ароматом «свежести», который си-

стема распыляла каждые полчаса, чтобы перебить запах детских тел. Не помогало. Под ароматом всё равно пробивалось что-то кислое — от невымытых волос, от дешёвого клея на тканевых наклейках планшетов, от чьего-то пота.

Кто не усваивал, тот уже спал, подперев голову рукой. Другие старались всё записывать стилусами — тонкий шорох по экранам, как мышьяная возня. И лишь Бет знала всё наперёд. Историю Сагнаты Вон, что скрижалями вписана фактически в каждый учебный планшет сагнатского языка, она знала наизусть.

В классе не принято было задавать вопросы. Поэтому никто не тянул руки. Только если хотели ответить. Но чаще дрон сам выбирал, кому отвечать. Все вопросы — через внутреннюю сеть, что предоставлена в каждом планшете. Сделано это для того, чтобы не перегружать «учителя» лишней информацией. Дрон фиксировал нарушения, но не вопросы. Он лишь диктовал и спрашивал сам.

Закончив материал, дрон пикнул — резко, коротко, — делая фиксацию на того, кто уснул. Бет оглянулась на спящего. Это была такая же отличница, как и она, — Лилу Карс. Сидела через два ряда, у стены. Голова на руке, волосы прилипли ко лбу. Лилу не выспалась — читала ночью, решала задачи. Бет знала это, потому что сама так делала. Каждую ночь.

— Лилу Карс, — вдруг мигнул дрон с зелёного на жёлтый и обратно на зелёный. — Вам неинтересны мои уроки?

Лилу мгновенно очнулась, дёрнулась, едва не смахнув планшет. Забормотала, оправдываясь:

— П... Простите! Я... Я просто много читала ночью, я... Я не...

— Замечание. Уважайте урок, пожалуйста. — Холодно и монотонно ответил он.

Лилу заметно побледнела, поникла и с ужасом глянула на браслет. Браслет мигнул, но без изменений. Лилу выдохнула, мысленно благодаря всех живых и неживых богов.

Лилу виновато втянула голову в плечи, уставилась в планшет. Щёки у неё горели.

Бет смотрела на неё и думала: «Сегодня она. Завтра я». Отличницы всегда на виду. Одна ошибка — и ты уже не отличница.

— Беатрисс, — дрон подлетел ближе к ней, но остался у мерцающего экрана, который был на полстены с основной информацией.

Бет чуть вздрогнула, но не испугалась. Просто от неожиданности. Она чувствовала, как несколько голов повернулись в её сторону. Кто-то с любопытством, кто-то с завистью, кто-то — с плохо скрываемым злорадством.

— А теперь вы. Как я уже обещал, что буду спрашивать... Расскажите всему классу свойства и предназначение креолита? А остальные перепроверят.

Бет, не вставая, отодвинула планшет в сторону, поправив голос:

— Кхм!.. Креолит — это основной строительный ресурс Помпея-Приуса. Без него нижние слои Помпея-Приуса не существовали бы. Главная особенность креолита — выравнивание давления. Чем ниже уровень, тем выше концентрация креолита. Из-за огромного давления внутри нашей планеты креолит создаёт обратный эффект благодаря своим уникальным химическим свойствам. — Бет запнулась, выравнивая голос, вспоминая то, что читала с утра. Дрон записывал, лишь слегка покачиваясь в воздухе. Бет это заметила и почувствовала, будто за ней кто-то пристально наблюдает. Бет казалось, что дрон смотрит не на неё, а сквозь неё. — И... это... Основная часть строительного креолита добывается в пластах вокруг Нижнего Яра, а также как побочный продукт из самого Ока, где добывают Рубий-7. Креолит по факту является своеобразным одеялом и химическим образованием этого самого минерала...

— Достаточно. — Перебил её дрон. — Вы неплохо знаете материал. — Дрон издал небольшой писк, фиксируя оценку. — Но дикция хромает. Советую поправить.

Бет кивнула. Плечи чуть расслабились — пронесло. Она уже потянулась к планшету, чтобы записать что-то в планшет, как вдруг дрон заговорил снова.

— И... — он сделал паузу. Не механическую, не свою обычную, ровную. А будто специально выдержанную. Будто его сделали живым и он научился делать интриги. — Следующее опоздание будет для вас критическим. Урок закончен.

Раздался треск и звонок окончания урока. Дрон осел. Он медленно левитировал к станции, где обновлялся и заряжался. Все встали, не дожидаясь разрешения. Звонок и был разрешением — ни минутой позже, ни минутой раньше. Дрон всегда успевал прочесть материал и опросить вовремя.

Класс ожил. Шум, движение, голоса. Кто-то бросился к выходу, кто-то остался переписывать с экрана. Бет встала и двинулась за всеми.

Лилу догнала её в дверях. Тронула за локоть — легко, почти невесомо.

— Чуть не попала, — тихо сказала она. Глаза красные, невыспавшиеся. — Всю ночь читала этот реферат. Нифига не выпалась.

Бет прижала планшеты к груди.

— А ты не замечала сегодня ничего странного? У тебя дома сбоев никаких не было?

Лилу вопросительно глянула на неё:

— Сбои? О чём ты?

— Ладно, забудь. — отмахнула Бет и пошла дальше — к своему шкафчику.

В коридоре было шумно, тесно, кто-то толкнул её плечом, кто-то выругался. Обычная школьная суета.

После третьего урока прозвенел звонок — короткий, резкий. Класс ожил. Все встали, не дожидаясь разрешения дрона. Дрон медленно левитировал к станции, а дети потоком

вылились в коридор.

Бет шла вместе со всеми. Планшеты она прижимала к груди — треснувший экран «Естественных наук» мерцал, но работал. Она старалась не смотреть на браслет. Но чувствовала его на запястье. Тёплый. Пока зелёный.

Лилу догнала её у поворота.

— Ты писала Сагнатский? Мне кажется, я не всё записала.

— Скину позже, — бросила Бет, не оборачиваясь. — Проснись уже, Лилу. Третий урок.

— Ага. — Лилу закивала, глядя в конспект. — Просто не хватает нескольких абзацев в теме про деепричастные обороты. Мне бы повторить, а нету. Я помню, что писала.

— Значит, плохо записала. — Бет говорила спокойно, без раздражения. — Скину, проверишь.

Они свернули в широкий коридор, который вёл к пищевому блоку. Здесь былолюдно — дети из разных потоков, старшие и младшие, все шли в одном направлении. Гул голосов, шаги, смех. Кто-то толкался, кто-то окликал друзей. Лилу что-то лепетала про учёбу, но Бет уже не слушала. Она погрузилась в свои мысли.

Впервые в жизни она так проспала. И её спас мальчик из первого класса. Пожертвовал арендованным планшетом. Просто поставил его в щель. Просто держал. Просто сломал. Бет до сих пор не понимала, что её зацепило сильнее — сам поступок или то, что он даже не поморщился.

Столовая была огромной. Потолок — высокий, сводча-

тый, с длинными полосами дежурного освещения. Но главное — окна. Огромные, панорамные, от пола до потолка, вдоль всей дальней стены. Высокие, как витрина. Свет из них заливал зал — яркий, белый, искусственный. Лампы на потолке горели для проформы, почти не давая тепла.

Бет невольно замедлила шаг. За стеклом открывался вид. Город. Приус. Среднеэтажки, магистраль, спешащие куда-то люди. Всё это было видно — но не так, как снаружи. Стёкла были зеркальными с внешней стороны. Снаружи — только серые панели, сливающиеся со стеной. А изнутри — прозрачная гладь.

Бет глянула на город. На секунду остановилась. И прошла дальше.

Стол стояли ровными рядами. Длинные, гладкие, из матового полимера, с углублениями для подносов и тонкими сенсорными панелями по краям. Каждая капсула — на двенадцать человек. Шесть с одной стороны, шесть с другой. Сиденья — встроенные, выдвижные, без спинок.

Бет заняла место у края. Лилу села напротив. Вокруг рассаживались другие.

Панель мигнула. На ней появилась строка:

[Здравствуйте, Беатрисс Коваль. Дневной паёк: стандарт. Дополнительное меню: доступно. Баланс коинтов: 17.]

Бет провела пальцем по панели, подтверждая. Ничего нового. Стандарт. Она могла взять дополнительное — семнадцать коинтов ещё оставались. Но не стала. Эти семнадцать

— на потом. На чёрный день.

Лилу тоже подтвердила. У неё — то же самое. Только коинтов не было вовсе.

Вдоль столов, по рельсам под потолком, двигались раздаточные модули. Плоские, вытянутые, с манипуляторами. Они скользили бесшумно, останавливаясь у каждого места. Манипулятор опускался, ставил на панель поднос. Потом — второй. Потом — третий. Все одинаковые.

Поднос Бет был серым. Матовым. На нём — три отсека. В первом — плотный брикет синтетического белка, серо-коричневый, с ровными краями. Во втором — паста из углеводов, бледно-жёлтая, с запахом и видом рисовой каши. В третьем — синтетический апельсиновый сок и хлеб из муки не самого высшего сорта.

Бет взяла вилку — тоже серую, из дешёвого полимера. Отломил кусок брикета. Пожевала. Сочный, но безвкусный.

Лилу ела молча. Смотрела в поднос. Бет видела, как она морщится. Но не от вкуса — от усталости.

За два стола от них сидели старшие. Те самые трое. Бет узнала их сразу — по курткам, по манере, по тому, как они заняли целую капсулу, растолкав младших. Они ели то же самое. Стандарт. Но перед ними на панели мигало что-то ещё.

Бет пригляделась. Панель одного из них светилась зелёным.

[Дополнительное меню: доступно. Баланс коинтов: 49.]

Манипулятор подъехал к нему снова. На этот раз — с дру-

гим подносом. На нём был дополнительный кусок мяса. Синтетического, но поджаренного. С корочкой. И соус. И что-то похожее на овощи — ярко-оранжевые, блестящие.

Рэн, так звали этого хулигана, вальяжно развалился на стуле, что-то слушая от своего друга. Здесь он вёл себя сносно, хотя и делал доминирующий вид, словно ему тут все должны по десять коинтов сразу. Повернув голову, он случайно встретился взглядом с Бет.

Бет жевала свой паёк и не отводила от него взгляда. Сверлила. Рэн усмехнулся и подмигнул ей.

Лилу тоже заметила, как Бет на кого-то пристально смотрит. Огляделась. Увидела троицу. Вернулась к Бет.

— О, Рэн здесь! — сказала она с каким-то детским трепетом. — Ты слышала о нём, да?

Бет прожевала пасту, закусила хлебом и недовольно посмотрела на Лилу.

— Чего?

— Ну, о Рэне. — Лилу заметно снизила голос, будто выдавая тайну. — Говорят, он сын какого-то крутого из банды тех рейдеров, которые по ночам на байках катаются. Так круто!

— Ага. — Бет перемешала пасту, отделила вилкой кусочек мяса, нанизала на зубцы. — Думаешь, это должно меня как-то волновать?

— Ну, нет. Но... — Лилу надломила хлеб и привычно опустила его в кашу, зачерпывая. — Что он на тебя так смотрит?

Бет вздохнула, взглянув на Рэна.

— Не только смотрит. Но и идёт сюда.

Лилу напряглась. Огляделась. Рэн встал из-за своего стола, взял поднос и направился к ним. Её ладони вспотели. Она быстро поправила причёску, чуть одёрнула форму и устояла на Бет. Бет сидела невозмутимо, но внутри была изумлена. Что сейчас он будет делать? Шантажировать? Извиняться? Или он вообще не помнит, что было вчера, из-за своего импланта?

Рэн подошёл с подносом с краю и, пнув по ножке стола, взглядом приказал мелкому уйти. Мелкий оглядел всех, жуя паштет, выискивая поддержки, но лишь вздохнул, понимая, что никто не хочет связываться с этим хулиганом. Бет спокойно смотрела на мальчика и тихо кивнула ему. Малец понял, взял поднос и ушёл за соседний столик.

— Девчата... — дружелюбно начал Рэн, падая на освободившийся стул и ставя поднос перед собой.

Бет скрестила руки на груди и перебила:

— Тебе чего надо?

Лилу заметно нервничала, будто прямо сейчас сдавала итоговый экзамен. Рэн окинул её взглядом — она дрожала от волнения. Он знал, что вызывает трепет у девушек, и особо не придал этому значения. Лишь плечом немного задел Лилу и произнёс:

— Не бойся, не обижу.

Бет не задавалась:

— Ты пришёл мне что-то предъявить? Я слушаю.

— Бет, правильно? — начал он, явно где-то узнав её имя.

— Мы не с того начали тогда.

— Ага. — Бет кивнула. — Не с того начали твои родители, когда вместо мозгов подарили тебе этот имплант. Говори, что надо, и проваливай отсюда.

Бет держалась уверенно, но внутри был ужас. Она боялась, что этот отморозок что-то выкинет. Что-то, что помешает её жизнь в школе.

Рэн вздохнул и откинулся на стуле:

— Я предлагаю дружбу. Давай дружить?

— Давай, — резко ответила за неё Лилу, едва не выплюнув часть пасты.

Рэн кинул на неё короткий взгляд и вернулся к Бет:

— Ты прикольная. Смелая девчонка. Мне нравятся такие. А малец... Как его?

— Рогбал, — ответила за него Бет.

— Рогбал... — повторил он имя. — Да. Его мать устроила диверсию в Нижнем Яре. Она нарушила автоматизацию подачи воды. Сейчас её ищут патрули.

Бет смотрела на него немигающим взглядом. Мать Рогбалы устроила диверсию в Нижнем Яре. Из-за неё её родители вынуждены работать бесперебойно, дожидаясь калибровщиков. С одной стороны — его мать виновата в постоянном отсутствии её родителей. С другой — при чём тут сам Рогбал?

Она сжала вилку. Её родители сейчас там, внизу, разгребают то, что натворила эта женщина. Но Рогбал-то тут при чём?

— И ты решил, что это повод бить мальчишку?

— Ну, он же сын...

— И что? — перебила его Бет. — Его мать найдут и накажут. А парень тут совершенно ни при чём.

— Да ну?! Серьёзно?! — Лилу осмелела и решила влезть в разговор, приняв инициативу на себя. — Бет, у тебя родители там работают. А как она это сделала?

— Не знаю. — Рэн пожал плечами. — Как-то взломала охранный протокол и перегрузила напряжением автоматический чип подачи воды. Мне отец так сказал.

— Ой, а правда, что твой отец из банды рейдеров? Ты знаешь, я люблю байки. — Лилу неприкрыто пыталась флиртовать.

Рэн это понял сразу и с хвастовством ответил:

— У меня даже есть свой байк. Родители пока не берут с собой в рейды, но в нижнем секторе Приуса мы часто катаемся по учебной трассе.

— Вау, как круто! Я тоже хочу. — Лилу умоляюще взглянула на Бет.

Бет понимала, что Лилу он нравится. Но у неё самой он вызывал отвращение. Она сразу оценила его перспективу: этот пафос, этот вид вседозволенности и высшей значимости в иерархии школы — только временная пыль. Его индикатор

горит голубым. Он не особо парится над своей учёбой, но и не собирается быть обычным рабочим. Такой не поднимется вверх, но может занять не последнее место в Приусе.

— Без меня. — Бет встала, взяв поднос. — Если у тебя всё, то я пойду.

Рэн окинул её взглядом и положил руку на спинку стула Лилу. Лилу чуть вздрогнула, но старалась вести себя уверенно.

— Ты подумай, Бет.

— Угу. — Бет бросила ему это и направилась с подносом к выходу.

У выхода был автоматический приёмник подносов с остатками еды. Пройдя через всю столовую, она вдруг встретила глазами с Рогбалом. Он сидел через два стола и, жуя свою пасту, провожал её взглядом. Бет не отводила от него взгляда. Рогбал отвёл первым — в сторону Рэна, который уже сам флиртовал с Лилу. Та смущённо хихикала. Рогбал отрицательно покачал головой, снова глянул на Бет и принялся доедать свой обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.